

Б. П. АРДЕНТОВ

НОМИНАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ А. С. ПУШКИНА

История номинативных предложений — интереснейшая страница в истории русского литературного языка. В языке художественной литературы XVIII века номинативные предложения встречаются очень редко; они становятся обычным явлением в языке писателей второй половины XIX века и получают исключительно частое и разнообразное употребление у современных писателей. Вот несколько цифр, наглядно и убедительно показывающих рост употребления номинативных предложений в языке русской художественной литературы:

Автор и художественное произведение	Всего номинативных предложений в произведении	Опознавательные номинативные предложения в речи		Предложения-реплики в речи		Описательно-повествовательные предложения в речи		Рефлексивные предложения в речи		Объем произведения в печатных листах
		персонажей	авторской	персонажей	авторской	персонажей	авторской	персонажей	авторской	
Н. Гоголь. „Тарас Бульба“ (1895)	23	6		9		5		3	3	6,5
А. Пушкин. „Капитанская дочка“ (1836)	50	5		83		3		9		5
И. Тургенев. „Отцы и дети“ (1862)	83	7		47		7		22		10
М. Е. Салтыков-Щедрин. „Господа Головлевы“ (1875—1880)	97	3		33		16		10	35	19
М. Шолохов. „Тихий Дон“, кн. I	275	13		126		129		4		21
В. Шишков. „Угрюм-река“, кн. I, II	420	26		131		202		16	45	28
Г. Николаева. „Битва в пути“	374	25	11	103		4	70	90	72	19

Создатель современного русского литературного языка А. С. Пушкин не только упорядочил языковую стихию, отобразив в ней все наилучшее и организовав ее в единое целое, стройное, способное послушно и гибко, со всей полнотой выразить любую мысль. Он показал, какие богатейшие возможности таятся в русском языке как средстве изображения действительности и выражения самых разнообразных дум и тончайших переживаний. Именно Пушкин показал, какие богатые стилистические возможности таят в себе также и номинативные предложения. Можно с уверенностью утверждать, что ни до Пушкина, ни у его современников мы не находим такого обилия номинативных предложений, причем самых разнообразных типов и в самых разнообразных функциях. Однако следует сделать весьма важное замечание: Пушкин использует номинативные предложения преимущественно в поэтическом, стихотворном языке; в языке его прозаических произведений они встречаются крайне редко и главным образом в языке персонажей.

Есть у Пушкина и опознавательные номинативные предложения: в них констатируется наличие в окружающем предмета, явления, лица и т. п., но констатируется говорящим для себя; функция номинативного предложения как средства сообщения отступает здесь на задний план. Например: «Ц а р ь ... Кто там? А! *сжима...* так! *Святое пострижение...* Ударил час, в монахи царь идет» («Борис Годунов»); «Француз... протянул свои бумаги молодому офицеру, который быстро их просмотрел. — *Ваш паспорт... хорошо. Письмо рекомендательное, посмотрим. Свидетельство о рождении, прекрасно.* Ну вот же вам ваши деньги, отправляйтесь назад» («Дубровский»); «И видит верного Руслана. *Его черты, походка, стан...* В ней сердце дрогнуло. «Руслан! Руслан!» («Руслан и Людмила»).

Предложения-реплики, бытующие в диалогической речи, тоже используются Пушкиным, причем их прообразом явно оказывается реалистическая бытовая разговорная речь: «А, ваше благородие! — сказал Пугачев, увидя меня. — Добро пожаловать; *честь и место, милости просим*» («Калитанская дочка»); «— *А Марья Ивановна?* — спросил я нетерпеливо. — Что Марья Ивановна?» (Там же). Есть реплики-сообщения, например: «В а р л а м: Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: все нам равно, было бы вино... *да вот и оно*» («Борис Годунов»); «Прошло более часа, вдруг Гриша пробудил его восклицанием: — *Вот Покровское!*» («Дубровский»). Есть предложения-реплики, которые одновременно с сообщением выполняют функцию сигнала к какому-то действию, то есть их содержание получает императивный оттенок, например: «Является Иуда-Битяговский. *«Вот, вот злодей!»*—раздался общий вопль. И миг его не стало» («Борис Годунов»).

Широко используются Пушкиным и повествовательно-описательные предложения.

Отметим прежде всего *препозитивные* номинативные предложения, с которых начинается описание во многих стихотворениях Пушкина, например: «*Мороз и солнце: день чудесный! Еще ты дремлешь, друг прелестный?..*» («Зимнее утро»); «*Зима. Что делать нам в деревне?*» (одноименное стихотворение); «*Война!.. Подъяты, наконец, Шумят знамена бранной чести*» («Война»). Бывают номинативные предложения, возглавляющие описания в середине произведения, например: «*Зима... Крестьянин, торжествуя, На дровнях обновляет путь*» («Евгений Онегин»). Имеются у Пушкина и *постпозитивные* предложения, заключающие описания: «*И вдруг передо мной Старушка дряхлая, седая, Глазами впальмы сверкая, С горбом, с трясучей головой, Печальной ветхости картина*» («Руслан и Людмила»).

Широко использовал Пушкин номинативные предложения для обозначения деталей при изображении общей картины — пейзажа, портрета и т. п.: «*...что же зрит? В пещере старец; ясный вид, спокойный взор, борода седая*» («Руслан и Людмила»); «*Прогулки, чтение, сон глубокий, Лесная тень, журчанье струй, Порой белянки черноокой Младой и свежий поцелуй, Узде послушный конь ретивый, Обед довольно прихотливый, Бутылка светлого вина Уединенье, тишина: Вот жизнь Онегина святая*» («Евгений Онегин»); «*Ни огня, ни черной хаты... Глушь и снег... Навстречу мне Только версты полосаты Попадают одни*» («Зимняя дорога»).

Весьма часто употребляются Пушкиным номинативные предложения для изображения *динамичной* картины: «*И с ними царские дружины Сошлись в дыму среди равнины: И грянул бой, Полтавский бой!.. Швед, русский — колет, рубит, режет, Бой барабанный, клики, скрежет, Гром пушек, топот, ржанье, стон, И смерть и ад со всех сторон*» («Полтава»); «*Так злодей С свирепой шайкою своей, в село ворвавшись, ломит, режет, Крушит и грабит; вопли, скрежет, Насилье, брань, тревога, вой!*» («Медный всадник»); «*Шум, хохот, бегодня, поклоны, Галоп, мазурка, вальс. Меж тем Между двух теток у колонны... Татьяна...*» («Евгений Онегин»); «*В передней толкотня, тревога; В гостиной встреча новых лиц; лай жосек, чмокание девиц, Шум, хохот, давка у порога, Поклоны, шарканье гостей, Кормилиц крик и плач детей*» (Там же); «*...Вот мельница вприсядку пляшет — И крыльями трещит и машет; Лай, хохот, пенье, свист и хлопок, Людская молвь и конский топ*» (Там же).

Особенно богато представлены в поэтическом языке Пушкина рефлексивные предложения: они обозначают образ, являющийся отправным пунктом мысли, выражаемой в после-

дующем высказывании; они заключают высказывание о каком-нибудь лице или предмете, выражая его оценку и т. д. Такого типа предложения хотя и реже, но встречаются и в прозе Пушкина, например: «Итак, батюшка читал Придворный Календарь и повторял вполголоса: *«Генерал-поручик... Он у меня в роте был сержантом! ...Обоих российских орденов кавалер!.. А давно ли...»* («Капитанская дочка»).

Часты номинативные предложения-повторы: «...Враги стоят, потупя взор. *Враги!* Давно ли друг от друга Их жажда крови отвела?» («Евгений Онегин»); «—Кузина, помнишь Грандисона? — Как, *Грандисон?*.. а, *Грандисон!* Да, помню, помню, где же он?» (Там же); «И в а н. Он говорит, что более не может давать вам денег без заклада. А л ь б е р т. *Заклад!* А где мне взять заклада, дьявол!» («Скупой рыцарь»).

Используются Пушкиным номинативные предложения и для обозначения бессвязных образов, возникающих в сознании один за другим: «Что со мною? *Отец... Мазепа... казнь* — с мольбою Здесь, в этом замке, мать моя, — Нет, иль ума лишилась я?» («Полтава»); «В уме возникли мрачны думы: Быть может, *горесть... плен угрюмый... Минута... волны...»* («Руслан и Людмила»).

Особую выразительность получают номинативные предложения с противительным «но»: они выражают понятия и представления о чем-то, что является препятствием для совершения каких-то предполагаемых действий: «Зато любовь красавиц нежных Надежней дружбы и родства; Над нею и средь бурь мятежных Вы сохраняете права. Конечно, так. *Но вихорь моды, Но своенравие природы, Но мненья светского поток...* А нежный пол как пух легок» («Евгений Онегин»); «Конечно: должно быть презренье Ценой его забавных слов, *Но шопот, хохотня глупцов...*» (Там же).

Номинативное предложение является средством передачи какого-то навязчивого образа или навязчивой мысли: «То видит он врагов забвенных... То сельский дом — и у окна Сидит она... *и все она!*» («Евгений Онегин»); «С а м о з в а н е ц. Что Годунов? Во власти ли Бориса Твоя любовь, одно мое блаженство? Нет, нет. Теперь гляжу я равнодушно На трон его, на царственную власть. *Твоя любовь...* Что без нее мне жизнь, и славы блеск, и русская держава? В глухой степи, в землянке бедной — ты, Ты заменишь мне царскую корону. *Твоя любовь...*» («Борис Годунов»).

Особенно часто встречаются у Пушкина оценочные предложения, выраженные именем существительным с оценочным определением. Они являются средством показа самого различного отношения к называемому явлению или предмету:

иронии — о Зарецком: «...с коня Калмыцкого свалясь, Как зюзя пьяный, и французам Достался в плен: *драгой залог!*» («Евгений Онегин»);

сострадания, сожаления: *«Но бедный, бедный мой Евгений!.. Увы! его смятенный ум Против ужасных потрясений Не устоял»* («Медный всадник»);

восхищения: *«Волшебный край! Там в стары годы Сатиры смелый властелин, блистал Фонвизин»* («Евгений Онегин»);

ужаса: *«Воротынскийй. Ужасное злодейство! Полно, точно ли царевича сгубил Борис?»* («Борис Годунов»); *«И вот Редет мгла ненастной ночи — И бледный день уж настает... Ужасный день!»* («Медный всадник»); *«Барон. Где ключи? Ключи, ключи мои!.. Герцог. Он умер. Боже! Ужасный век! Ужасные сердца!»* («Скупой рыцарь»).

Наблюдения над языком художественных произведений XIX—XX веков показывают, что из языка поэтических произведений и речи персонажей номинативные предложения все более и более проникают в язык автора, выполняя при этом самые разнообразные функции (см. таблицу, приведенную в начале статьи). Как видим, Пушкин первый широко использовал номинативные предложения, именно он стал начинать описательные стихотворения номинативным предложением. В начале второй половины XIX века этот прием был перенесен в прозу: номинативными предложениями начинал свои очерки Помяловский: *«Три часа утра. В спальне, именуемой Сапог, все покоится»* (очерк «Бурсацкие типы»); так начинал некоторые главы Решетников в своих «Подлиповцах»: *«Ноябрь месяц в начале. Зима свирепствует немилосердно... Утро. Холод в тридцать градусов; деревья трещат»* (ч. I, гл. 2) и Салтыков-Щедрин в «Господах Головлевых»: *«Жаркий июльский полдень. На Дубровинской барской усадьбе словно все вымерло»* (гл. «По-родственному»). Наконец, у Чехова стало обычным начинать свои рассказы номинативным предложением: *«Ясный, зимний полдень... Мороз крепок, трещит»* («Шуточка»); *«Ночь. Нянька Варька, девочка лет тринадцати, качает колыбель»* («Спать хочется»). Такой зачин как нельзя лучше гармонирует с сжатостью и краткостью чеховских рассказов.

Литературоведы убедительно показывают в своих работах, какое огромное влияние оказал Пушкин на последующее развитие русской литературы. Писатели и поэты последующих поколений продолжают разрабатывать поднятые Пушкиным темы, использованные им литературные жанры, приемы и т. д. Не менее плодотворно было влияние на писателей и поэтов и языкового наследия Пушкина. На узком материале — на номинативных предложениях — мы убедились в том, что именно Пушкин был новатором в использовании отдельных языковых средств, впервые показавшим таящиеся в них богатейшие возможности в передаче впечатлений об окружающем мире, а также в передаче самых разнообразных движений нашего сознания.

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МФ АН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА
УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинской конференции
Одессы и
Кишинева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961